
Елена ЧЕРТКОВА

Утопия как тип сознания

Из великой любви к грядущему
человечеству рождается великая не-
нависть к людям.

С. Франк

Со времен Томаса Мора, давшего миру слово «утопия», это понятие обросло множеством смыслов. Как отмечает М. Финли, диапазон значения этого слова простирается от обозначения свойственного всем людям стремления к лучшей жизни до фантазий параноика и шизофреника¹. Сегодня понятие «утопия» кажется безнадежно устаревшим. В нашем сознании утопическая идея чаще всего ассоциируется с тоталитаризмом. Мечта о «светлом будущем» при попытке воплощения ее в жизнь обернулась кошмаром и в конце столетия потерпела крушение. «Утопия», «утопический» используются в современном языке, скорее, не как понятия, а как *epitheta opprobria* (бранные эпитеты), что является вполне объяснимой реакцией на кризис системы, претендовавшей на построение нового мира и формирование нового человека.

Как в прошлом, так и теперь критика утопии направлена главным образом на конкретные утопические теории и концепции, прежде всего на утопии коммунистического типа, но не на утопизм или утопическое сознание как таковое. Однако история свидетельствует, что утопии приходят и уходят, а дух утопизма сохраняется и продолжает производить утопические образы и утопические цели. Выделить характерные черты утопического сознания, составляющие дух утопизма, и является задачей данной статьи.

Основным направлением критики утопии традиционно было ее сопоставление с научной социальной теорией. Утопия рассматривалась как донаучное знание (предшественница социальной теории), ценность которого обратно пропорциональна развитию научного познания общества. Если согласиться с такой трактовкой утопии, то как можно объяснить периодически возрастающий интерес к утопическим идеям и экспериментам? Как объяснить столь завидную живучесть утопического сознания? Можно ли надеяться, что переживаемый сейчас кризис утопии предвещает ее конец? За всеми этими вопросами стоит более глубокая проблема о природе и сущности утопического сознания.

¹ Finley M. Utopianism ancient and modern. In: Critical spirit: Essays in honor of Herbert Marcuse. Boston, 1967, p. 4.

Утопический идеал

Понятие «идеал» — существенный конструктивный элемент утопического сознания. Именно ориентация на идеал, а не просто устремленность в будущее является отличительным признаком утопии. Устремленность в будущее, хотя и присутствует нередко в утопических сочинениях, все же является не основной, а производной характеристикой утопического сознания. Ведь образец совершенного общества можно искать и в далеком прошлом (легенда о «Золотом веке»), и в отдаленном пространстве (далекая или вымышленная географическая точка, другая планета и т. п.). Важно, что его нет в том времени и месте, где находятся создатель утопии и те, кому он адресует свой проект. В этом ясно проступает отличие утопии от футурологии: если футурология ориентирована на создание образа будущего состояния, то утопия — на формирование образа идеального мира, на идеальное будущее.

Характерным признаком утопического сознания, выделяемым многими исследователями, является трансцендентность, понимаемая как выход за границы реальности. Обращенность к будущему уже выводит мысль за пределы наличной действительности. Но трансцендентность утопии более радикальна: это выход за границы не только действительного, но и возможного, каким оно представляется в перспективе логики развития существующего мира. Временные каузальные связи предшествующего с последующим не имеют для нее никакого значения. Утопия — это идеальное, совершенное общество, устроенное согласно человеческому разуму и воле, а не естественный продукт исторического развития, или, в терминологии Ф. Хайека, это «сознательный» порядок в противоположность порядку «спонтанному». Поэтому место каузальной зависимости занимает идеальное долженствование. Причинность заменяется рациональностью. Будущее в утопии предстает не как продолжение настоящего, а как его альтернатива. Собственно говоря, утопия по самому своему замыслу несовместима с настоящим, она всегда — вызов существующему.

Свойственная утопии ориентация на идеал присуща и иным формам сознания. Так, нравственный идеал наиболее полно выражен в религиозном сознании, эстетический — в искусстве, познавательный — в науке. Утопическое же сознание ориентировано на идеал совершенного общества. Это дает основание отграничить утопию от науки и отнести ее к более широкой области человеческого сознания, называемого *ценностным*. В рамках же ценностного сознания утопию выделяет особое понимание идеала.

В кантовской трактовке идеал выступает как регулятивный принцип, который направляет процесс совершенствования человека и служит эталоном для оценки реальных отношений и поступков. Идеал остается при этом принципиально не достижимым, трансцендентным по своей природе. В утопическом сознании, напротив, идеал приобретает имманентный эмпирической действительности характер, из ориентира превращается в цель, точнее, даже в конечный «пункт прибытия». Утверждение идеала как факта эмпирической действительности («факт достижимого будущего», или «будущий факт», по Г. Флоровскому²) составляет суть утопизма. В этом проявляется специфика понимания природы идеала, отличающая утопическое сознание от других форм ценностного сознания. Идеал как «вечная перспектива»³, как «исторически негарантированная цель»⁴, как ценностный

² Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма. «Вопросы философии», 1990, № 10, с. 84.

³ Ойзерман Т. И. Мысли и афоризмы. «Вопросы философии», 1990, № 10, с. 154.

⁴ Соловьев Э. Ю. Выступление на «круглом столе» «Умер ли марксизм?». Там же, с. 31.

ориентир преобразуется в утопическом сознании в идеал-проект, в план совершенного общества, в «руководство к действию».

Подмена идеала проектом подчеркивает присущий утопическому сознанию технический, инженерный подход к реальности, установку на преобразование мира, а не на его теоретическое объяснение. Создание идеального общества представляется по аналогии со строительством дома или города. Это сближение и отождествление социальных и технических проектов распространяются и на духовную жизнь — вспомним знаменательное определение писателей как «инженеров человеческих душ». При таком подходе в роли утопии может оказаться и любая социальная теория, если она воспринимается чисто инструментально, как выполняющая не познавательные, а инструктивные функции по преобразованию мира. По своей нелепости это равнозначно восприятию, скажем, фундаментальной естественно-научной теории как ... технологического описания производственного процесса. Таким образом, суть утопизма не в том, какие теории или представления лежат в основе планов переустройства общества, а в самой установке на «строительство» общества под руководством мудрого, знающего все детали будущего строения архитектора, в претензии на право переделки жизни, в «суеверии устроительства» (Л. Толстой).

Утопия как концепция совершенного общества или как его художественное изображение отнюдь не обязательно предполагает наличие у автора утопического сознания. В традиционном понимании утопия является теоретическим или художественным воплощением идеала совершенного общества⁵. И лишь *переход от утопии-идеала к утопии-проекту превращает утопистов из мечтателей в преобразователей, революционеров*, которым нужны уж не столько читатели-единомышленники, сколько фанатичные последователи, способные претворить идеал в реальность.

В понимании утопии как проекта заключены две радикальные посылки. Первая — уверенность во всемогуществе человека, в его безграничных возможностях, некий вид *титанизма*, унаследованный от гуманистов Возрождения. Вторая — предположение о чрезвычайной пластичности мира, его подвластности внешним воздействиям, допустимости произвольной переделки природного и социального мира человека, если это требуется для реализации идеала.

Утопия и история

Представление о будущем как о ценностной противоположности настоящего и прошлого определяет отношение утопического сознания к историческому процессу. Идеал «светлого будущего» способен настолько завладеть сознанием и воображением людей, что окружающая их действительность теряет значение реальности. Подобное «опьянение идеями» описывает А. Богданов в романе-утопии «Красная звезда»: «Души людей беззаветно раскрывались навстречу будущему, настоящее рас-

⁵ По свидетельству Э. Роттердамского, Мор, создавая «Утопию», имел перед собой цели не практические, а, скорее, аналитические и критические, ибо он издавал свой труд с намерением показать, «по каким причинам приходят в упадок государства», и использовал он язык ученых — латынь, поскольку обращался к узкому кругу интеллектуалов. (Цит. по: Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956, с. 57.) Е. Шашкий еще решительнее отлучает Мора от утопизма, утверждая, что его «Утопия» была «не программой действий, а всего лишь тренировкой социологического воображения». (Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990, с. 19.) Мор, конечно, был утопистом по принадлежности к специфическому литературному жанру, но не по способу мышления, о котором идет речь в этой статье.

плывалось в розовом тумане, прошлое уходило куда-то вдаль, исчезая из глаз»⁶.

Путь к совершенству посредством упразднения действительности отличает утопизм и на теоретическом уровне. Историческая память, традиция — чуждые для утопии понятия. Поскольку новое общество мыслится как альтернатива существующего и строится на основе решения «жить по разуму», история предстает как «темное прошлое», мешающее осуществлению утопического идеала. С. Кабэ, автор знаменитого «Путешествия в Икарию», например, намеревался истребить даже и упоминания о прошлом — сжечь все книги, появившиеся до его «коммунистического евангелия»⁷. Такое отношение к прошлому С. Булгаков сравнивал с духовным каннибализмом — «пожиранием предков».

Негативизм в отношении к прошлому, с одной стороны, обусловлен критическим отношением к существующему обществу как результату предшествующего развития, с другой — это способ утверждения идеала, нечто вроде «доказательства от противного». Чем ужаснее выглядят прошлое и настоящее, тем желаннее покажется «светлое будущее». *Подобно реактивному снаряду, утопия тем стремительнее прорывается в будущее, чем с большей силой отбрасывает прошлое.* Абсолютное отрицание прошлого является здесь условием абсолютного утверждения будущего. Эту суть утопического отношения к истории ясно выразил П. Новгородцев: «Мысль о всецелом преобразении существующего требовала безусловного отрицательного отношения к истории и безусловного разрыва с прошлым»⁸. Тем самым отрицание истории выступает обратной стороной утверждения идеала совершенного общества. В своем намерении произвести гармоничное общество утопия прерывает историческую связь и преемственность, поскольку они препятствуют осуществлению планов преобразования общества. Утопист не признает действительности истории, ее независимости от нас, а потому считает, что ему «воля вольная делать, что хочет» (А. Герцен). *Свобода от прошлого открывает простор «социальной алхимии».*

Отрицание истории относится не только к прошлому, но и к будущему. Совершенное общество как бы выпадает из времени, поскольку воплощение идеала означает завершение истории. Совершенный строй не может перейти в иной, качественно от него отличный, ибо совершенство и означает завершенность, достижение полной гармонии всех элементов и сторон общества, разрешение всех его противоречий. «Ожидать, что к нему еще что-то можно прибавить качественно лучшее и существенно иное, это значило бы предполагать, что могут нуждаться в восполнении всесовершенство, полнота и избыток», — писал об «абсолютном социализме», «всецелом и безусловном преобразении жизни» П. Новгородцев⁹. А В. Соловьев даже считал, что «не тот настоящий утопист, кто хочет преобразовать общество, а тот, кто мечтает остановить ход истории»¹⁰.

⁶ Русская литературная утопия. М., 1986, с. 200.

⁷ По замечанию А. Свентоховского, Кабэ напоминает ему Омара, повелевшего сжечь Александрийскую библиотеку, так как в ней были книги, написанные раньше Корана. См. Свентоховский А. История утопий. М., 1910.

⁸ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991, с. 271.

⁹ Новгородцев П. И. Указ. соч., с. 226—227. Идея построения совершенного общества при ее продумывании до логического конца чревата самыми неожиданными практическими выводами, вроде тех, к которым приходят герои «Бесов». «Я думаю, — говорит Кириллов Шатову, — человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута?». См. об этом Матич О. Суета вокруг кровати. Утопическая организация быта и русский авангард. «Литературное обозрение», 1991, № П.

¹⁰ Соловьев В. Мнимая критика: Ответ Б. Н. Чичерину. «Философские науки», 1990, № 3, с. 86.

Идея завершенности истории сближает утопию с эсхатологией. Их сближает и мотив осуществления разума в истории. Сходство это не позволяет, однако, отождествить утопию с религией. Утопическое сознание восприняло многие внешние признаки сознания религиозного, но их сущность, содержание и цели принципиально различны, во многом даже противоположны. Это отдельный большой вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Здесь же ограничусь замечанием о противоположности утопического и христианского путей к совершенству. Первый устремлен к тому, чтобы из несовершенных людей построить совершенное общество, второй — к тому, чтобы в несовершенном обществе создать совершенного человека.

Порабощение идей

Стремление построить общество чисто рационально, решить вопросы социальные как вопросы рационального устройства — характерная черта утопического сознания, принципиально отличающая его от сознания религиозного. Сам антиисторизм утопизма является следствием его рационалистичности. Идея общества, построенного на принципах разума, присутствует в любой утопии. Не случайно первым из наиболее известных авторов проекта совершенного государства был крупнейший рационалист Платон¹¹. История утопии предлагает множество способов устроить жизнь на разумной основе. Из проблемы онтологической и гносеологической рационализм преобразуется здесь в проблему социальную и становится синонимом справедливого общества. В своем стремлении понять мир человека исключительно на основе разума и устроить его жизнь всецело на принципах разума утопизм раскрывается как расширение и абсолютизация философского рационализма. Понятие социальной и исторической необходимости замещается принципами разума, которые, в свою очередь, совпадают с мечтами о наилучшем обществе. Так в утопическом сознании устраняется вечное противоборство между рациональным (закон) и свободным (воля) в человеческой истории¹².

Утопизм как целенаправленное внедрение тотальной рационализации в общественную жизнь — это уже сверхрационализм, неявно предполагающий наличие некоторого сверхразума, который был бы в состоянии представить себе общество как целостность и одновременно знать все стороны и даже детали его жизнедеятельности. В основе такого сверхрационализма заключены специфические представления о роли разума в жизни человека, общества и о способах осуществления рационального контроля над ними. Человек выступает как существо исключительно рациональное, поддающееся исчерпывающему описанию и управлению. В одной из своих ранних статей летописец «реализуемой утопии» А. Платонов так характеризует человека будущего: «Сознание, интеллект — вот душа будущего человека, которая похоронит под собой душу теперешнего человека — сумму инстинктов, интуиции, ощущений»¹³.

Сама утопическая идея переделки общества как его полного преобразования по законам разума основывается на представлении об обществе как продукте преднамеренной, сознательной деятельности людей. Только раньше люди руководствовались недостойными принципами и целями

¹¹ А. Фогт прямо связывает рационализм Платона с утопизмом, полагая, что «в вере Платона в осуществимость этого могущества философии на Земле и заключается его утопизм». Фогт А. Социальные утопии. СПб., 1907, с. 48.

¹² Г. Флоровский определяет суть утопического рационализма как «постулат всецелой рационализируемости общественной жизни, применяемый двояко: *de lege lata* и *de lege ferenda*. (С точки зрения действующего закона и с точки зрения законодательного предположения — *lat.*) Флоровский Г. А. Указ. соч., с. 85.

¹³ Золотоносов М. Усомнившийся Платонов. «Нева», 1990, № 4, с. 178.

и строили общество на обмане, насилии и т. п. Этому противопоставляется намерение построить совершенное общество посредством выдвижения разумных принципов и целей и осуществления тотального контроля за их наилучшим исполнением. Внесение рациональной цели в историю и абсолютное подчинение ей всей общественной жизни — такова сверхзадача утопии, то, что, по выражению А. Кёстлера, составляет «искушение человека разумом».

По мере смещения в рационализме центра тяжести в сторону абсолютизации научного разума в утопическом сознании происходили аналогичные изменения: от веры в разум как гаранта построения совершенного общества к вере в науку, способную решить как технические, так и социальные проблемы. Это выразилось в росте числа научно-технических утопий, родоначальником которых можно считать Ф. Бэкона. Согласно О. Конту, только наука может быть гарантом достижения общественной гармонии, условием порядка и прогресса. Можно даже сказать, что *сциентизм как ложно понятая наука сам по себе является разновидностью утопизма*. Выступая против обожествления науки, К. Ясперс пишет: «Сложилось представление, согласно которому установить основываясь на научных выводах, правильное мироустройство, дарующее человеку благополучие и счастье, есть лишь акт доброй воли. Тем самым в последние столетия в исторический процесс проник новый феномен: стремление с помощью знания не только обрести опору в мире необозримого многообразия человеческих отношений, но, основываясь на знании мира в его целостности (а наличие этого знания в обожествляемой науке не подвергалось сомнению) и руководствуясь только рассудком, упорядочить мировое устройство»¹⁴.

С распространением сциентизма утопия и по форме все больше стала ориентироваться на науку. Утопические романы были потеснены социально-политическими трактатами, наукообразная форма которых должна была придать им большую убедительность. Не ограничиваясь воздействием на эмоции и воображение, утопия все больше стремилась овладеть человеческим разумом. Она становится открыто *логоцентричной*. (По существу, утопия по самой своей природе всегда была *логоцентричной*, поскольку ее мир — это мир идеи, лишь надевающей маску реальности. Но утопическим сознанием эта маска воспринимается как единственно подлинная реальность. Утопический мир — это знаковая реальность, за которой нет действительной, объективной реальности, этими знаками обозначаемой. То есть знаки здесь не имеют предметного значения, а выступают как символы.)

Логоцентризм и рационализм продуцируют такие черты утопического сознания, как господство мысли над жизнью или тирания идеи. В отношении научно-технической утопии можно говорить о своеобразном «интеллектуальном империализме» (Л. Мэмфорд). Порабощенность идеей отличает утопию в любой форме, даже в форме романа. Наверное, поэтому, как правило, это весьма посредственная литература. Когда идея начинает господствовать над жизнью, она становится идолом, а идола требуют преклонения и жертвоприношений. История человечества не раз обнаруживала, сколь тяжелы социальные, интеллектуальные и этические последствия поклонения идеалу как идолу. Когда за идеей совершенства признается достоинство и право вселенского божества, любые жертвы не выглядят чрезмерными. Человечество становится заложником идеала, происходит «заклание живых людей на алтарь абстракций» (А. Герцен). Опасность утопизма как идолопоклонства подчеркивал С. Франк: «Дело не в том... какие именно политические или

¹⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 112.

социальные идеалы пытаются осуществить; дело — в самом способе их осуществления, в какой-то основной, не зависимой от частного политического содержания морально-политической структуре отношения к жизни и действительности во имя общественного идеала»¹⁵.

Эта черта утопического сознания проецируется и на представления об историческом времени, приобретая смысл господства будущего над настоящим, что яснее проступает при сравнении утопии и прогноза как двух различных форм освоения будущего. И утопия, и прогноз готовят человека к будущему. Но первая — к желаемому, совершенному, идеальному, второй — к ожидаемому. У них различный способ связи настоящего и будущего и различный способ освоения будущего. Утопия противостоит прогнозу своим «обратным порядком» связи времен. Прогноз исходит из того, что есть, т. е. из настоящего, и на этой основе пытается построить картину возможного или неизбежного будущего. Утопия, напротив, исходит из того, чего нет, но что должно быть, т. е. из желаемого будущего, и из этого «прекрасного далека» оценивает настоящее. Вследствие этого в отношении будущего прогноз или предсказание подменяются в утопии призывом или указанием, а объяснение настоящего — его обвинением, осуждением. Если понимать прогноз как «нападение на будущее» (Ю. Шрейдер), то утопия — это, скорее, *атака из будущего на настоящее*.

С этим связано и характерное для утопизма отсутствие глубокого интереса к настоящему, к реальной жизни. Признание подлинной ценности лишь за абсолютном (абсолютное совершенство, полное равенство, абсолютная справедливость и т. д.) обесценивает все относительное, делает его недостойным существования и заслуживающим быть принесенным в жертву «всепожирателю вампиру будущего» (Н. Бердяев). Этим объясняются своего рода «историческая дальностьзоркость» утопизма, небрежение жизнью, нелюбовь к реальному живому человеку, невнимание к проблемам повседневного существования. Утопист озабочен не улучшением положения реальных людей, а воплощением идеала совершенного общества. Он думает об избавлении от абсолютного зла и торжестве абсолютного добра. Абсолютизм и максимализм утопического сознания наиболее точно выражены С. Булгаковым посредством различения «героизма» и «подвижничества». «Героический интеллект, — пишет он, — не довольствуется... ролью скромного работника... его мечта — быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа. Для него необходим (конечно, в мечтаниях) не обеспеченный минимум, но героический максимум. Максимализм есть неотъемлемая черта интеллигентского героизма... Это — не принадлежность к какой-нибудь одной партии, нет — это самая душа героизма, ибо герой вообще не мирится на малом. Даже если он и не видит возможности сейчас осуществить этот максимум и никогда ее не увидит, в мыслях он занят только им. Он делает исторический прыжок в своем воображении и, мало интересуясь перепрыгнутым путем, вперяет свой взор лишь в светлую точку на самом краю исторического горизонта»¹⁶.

«Радикальный призыв к совершенству», как обозначил этот тип сознания Н. Бердяев¹⁷, в современной литературе именуется также «перфектиблизмом» (убежденность в возможности достижения совершенства). Перфектиблизм исходит из идеализированного понимания природы человека, и поэтому все «мерзости жизни», против которых и направляет свое оружие утопия, предстают как привнесенные извне искажения изначально прекрасной человеческой природы. Гипотеза о

¹⁵ Франк С. Л. Сочинения. М., 1990, с. 127.

¹⁶ Булгаков С. Героизм и подвижничество. «Вехи. Из глубины». М., 1991, с. 45.

¹⁷ Бердяев Н. Духи русской революции. Там же, с. 284.

возможности рационального построения гармоничного общества принимается в утопии за аксиому. Презумпция совершенства или, по крайней мере, бесконечной совершенствуемости человека лежит в основе утопических проектов. «Греховность» же эмпирического индивида не является препятствием к совершенству, поскольку она может быть устранена вместе с устранением «внешних причин», производящих пороки. В этом пункте утопизм воспринял и значительно усилил заложенное гуманизмом и Просвещением понимание человека как существа, открытого для рационального совершенствования. Правда, в утопизме акцент все больше смещается от личности — субъекта самосовершенствования к обществу — объекту совершенствования и средству преобразования личности, т. е. *все больше превалирует социоцентристская ориентация.*

Утопия и наука

Максимализм, перфектибанизм, рационализм, господство идеи над жизнью, будущего над настоящим — все это различные проявления утопического сознания. Путь к совершенству через устранение всего несовершенного, относительного означает устранение одной из сторон противоречий реальной жизни, что неизбежно ведет на практике к разрушению реальной жизни и замене ее миром вымышленным. Утопическое сознание ориентируется на то, чего нет в действительности, выходит за пределы реальности. С этим связывают его метафизичность. Так, В. Межуев проводит различие между утопией как родом социальной метафизики и социальной наукой по тому основанию, что утопическая идея «имеет дело с тем, что находится за пределами всякого опыта, т. е. с идеальной, умопостигаемой сущностью мира, в данном случае социального»¹⁸. Отсюда проистекает и приоритет умозрения перед иными способами познания.

Отношение утопии к метафизике напоминает ее отношение к религии: в обоих случаях мы имеем внешнее сходство и различие по существу. Утопия — это псевдорелигия и псевдометафизика. Для утопического сознания присущее метафизике трансцендирование носит не чисто метафизический, предполагающий существование двух различных миров, а, скорее, исторический характер и потому подлинным трансцендированием не является. Эту особенность утопии отмечает Финли: «Утопия выходит за пределы данной социальной реальности, но она не трансцендентна в метафизическом смысле»¹⁹. Точнее говорить не о трансцендентности утопии в философском смысле, а о ее неукорененности в реальной жизни, в намеренной независимости утопического проекта от той жизненной практики, в которую его собираются внедрять. Метод утописта образно выразил Кабэ, говоривший о создании «Путешествия в Икарию», что он «разрешил свою задачу так, как математик — не считаясь с действительностью»²⁰.

Утопия смешивает два направления человеческих устремлений: «вертикальное», связанное с поисками идеала, и «горизонтальное», ограниченное сферой социальных отношений и поиском способов разрешения эмпирических проблем. В силу этого смешения утопия не принадлежит ни метафизике, ни социальным наукам.

В отличие от эмпирической науки утопическое сознание по своей природе нормативно. Оно больше занято конструированием мира идеального, чем исследованием мира реального, задачами преобразования

¹⁸ Межуев В. М. Социализм как идея и как реальность. «Вопросы философии», 1990, № 11, с. 20.

¹⁹ Critical spirit: Essays in honor of Herbert Marcuse, p. 6.

²⁰ См. Свентоховский А. Указ. соч., с. 211.

мира, а не его объяснения. В нем преобладает пафос учительства и разоблачительства. И хотя многие утописты претендовали на создание социальной теории и рассматривали свою деятельность как научную, все же ни цели утопии, ни применяемые ею методы не позволяют отнести ее к науке. Вместо ориентации на истину мы видим нацеленность на идеал, вместо исследования действительности — ее оценку; теоретик решает проблемы, утопист строит планы. Это и понятно: утопию как учение о том, чего нет, нелепо обосновывать посредством обращения к реальности. Здесь пафосу поиска истины противостоит пафос ее научности. Утопист — не искатель истины, а ее обладатель. Как подметил П. Новгородцев, «каждый из великих мыслителей по-своему выражает ту истину, которая должна спасти людей, но все думали одинаково, что такая истина есть и что они знают ее»²¹.

В отличие от ученого утописта интересует не истина как соответствие знания предмету, а правда как соответствие действительности идеалу. Не опыт, а воображение питает разум утописта. Наука в своем стремлении к истине если и не достигает ее, то хотя бы разрушает иллюзии; утопия, напротив, создает их. Результатом деятельности утопистов является образ социальной идеи, а не теория социальной реальности. Но в действительности, конечно, эти две формы сознания не разделены «китайской стеной». Научные теории не лишены утопических элементов, а утопии полны научных догадок. Научные идеи участвуют в построении утопий, а последние, в свою очередь, вдохновляют ученых и тем самым влияют на эволюцию познания общества.

Поводом для сближения научно-теоретического и утопического сознания нередко служит отмеченная выше критическая направленность, даже гиперкритический пафос утопизма. Однако утопический критицизм принципиально отличается от того критицизма, с которым связывают как возникновение, так и прогресс науки. Утопизм действительно имеет определенные заслуги в развитии социального критического сознания. Предлагая идеал совершенного общества, утопия обостряет восприятие несовершенства существующего мира. Проблематизация существующего — это тот пункт, где утопическое сознание приближается к научно-теоретическому. Не случайно критичность вменяется в заслугу утопизму как его противниками, так и сторонниками. По словам Шацкого, «историческое значение утопии зависит от того, в какой мере она способна внедрить в общественное сознание убеждение в проблематичности существующего порядка, а также в необходимости выбора между ним и каким-либо альтернативным порядком»²². В этом революционизирующем воздействии на сознание К. Мангейм усматривает саму суть утопизма и его историческое оправдание. Утописты расшатывали уверенность в «естественности» существующих порядков, подготавливали общественное сознание к принятию новой парадигмы, на основе которой могут формироваться альтернативные концепции общества. Революционизирующую функцию утопического критицизма так характеризует Б. Гудвин: «Артикуляция социальных альтернатив — это величайшая заслуга, оказанная утопистом своим последователям, которые, будучи пленниками господствующей идеологии, не обладали достаточным воображением, чтобы вырваться из нее хотя бы в уме. Метафора Р. Оуэна о «срывании ментального покрывала» точно описывает функцию, которую они надеялись выполнить для своих современников»²³.

Признавая силу воздействия утопической критики на общественное сознание, все же трудно согласиться с пониманием критицизма как

²¹ Новгородцев П. И. Указ. соч., с. 23.

²² Шацкий Е. Указ. соч., с. 199.

²³ Goodwin B. Social science and Utopia: nineteen-century models of social harmony. Hassocks, 1978, p. 204.

сути утопизма, что особенно характерно для К. Мангейма. Скорее, наоборот: догматизм, а не критицизм доминирует в утопическом сознании. Утопизм лишь воспринял и использовал в своих целях глубинную критическую традицию западной культуры, но проводил ее далеко не столь последовательно, как проводит наука. И причина этой непоследовательности коренится в природе утопизма, в его отношении к идеалу как догме. Утопизм прибегает к догматическому типу критики, т. е. критике, построенной на догме и призванной укреплять эту догму, что противостоит сократически-кантианскому типу антидогматической критики²⁴. В утопии критика служит средством не анализа, а оценки, не разрушению догм и предрассудков, а утверждению идеала.

Критичность и рационализм утопического сознания причудливым образом сочетаются с его интеллектуальной невменяемостью, невосприимчивостью к теоретической критике и несовместимостью с реальным функционированием общества. Чтобы быть последовательным, критицизм должен быть распространен и на утверждаемый утопией идеал, что предполагает исследование его укорененности в существующем мире, противоречивости и несовместимости друг с другом некоторых утверждаемых им ценностей, путей реализации идеала и тех опасностей, которые подстерегают здесь общество и каждого человека. В некоторой степени эту задачу выполняет *антиутопия*. Будучи противоядием от утопизма, она способна отвратить от утопии, однако не устраняет корней утопического сознания — потребности в позитивном образе будущего и в общественном идеале как ориентире и критерии общественного развития. На вопрос о том, сможем ли мы просто забыть о будущем, растворившись целиком в настоящем, Ф. Полак отвечает: «Наш выбор состоит не в том, чтобы решить, иметь или не иметь образ будущего; мы можем выбирать лишь между хорошими образами, ради которых стоит жить и умирать, и плохими образами, не столько выбранными нами, сколько нам навязанными; между активным планированием наших собственных, предпочтительных для нас проектов «земли обетованной» и пассивным, не продиктованным собственным выбором принятием готового будущего, где-то сфабрикованного и, возможно, разрушающего наши самые ценные идеалы»²⁵.

Альтернативы утопизма

Поскольку человек — существо историческое, живущее в конечном времени и сознающее свою конечность, с одной стороны, а с другой — свою включенность в историческое время, причастность как к прошлому, так и к будущему, образ будущего является его неотъемлемой принадлежностью. Как существо, наделенное свободой воли и обремененное правом личного выбора и долгом ответственности, человек нуждается в опоре на определенные идеалы. Однако ни создание образов будущего, ни признание ценности идеалов не влечет с необходимостью утопизма. К будущему обращается не только утопия, но и прогностика, и фантастика. Идеалы присутствуют во всех формах общественного сознания. Утопизм же как враждебное «живой жизни» направление сознания во имя идеала попирает традиции, насильственно прерывает связь времен, а человека лишает права свободного выбора своего пути в рамках выпавших на его историческое время возможностей. Утопизм преграждает путь к

²⁴ Анализ этих двух типов критики содержится в кн. Ионин Л. И. Слово и дело критики: социально-философское и публицистическое исследование. М., 1989.

²⁵ Polak F. Utopia and cultural renewal. In: Utopias and Utopian thought. Boston, 1966,

свободному идейному поиску. Свобода бесконечного развития искусственно ограничивается мнимой гармонией закономерного совершенства.

Чтобы не повторить ошибок утопистов в собственной оценке утопии, не будем принимать ее как абсолютное зло. Видимо, в ней есть нечто положительное, опираясь на которое можно противостоять ее разрушительному действию. Поскольку ни общественный идеал, ни образ желаемого общества — эти атрибуты утопии — невозможно вообще устранить, не разрушив природу человека, то противостоять пагубным последствиям утопизма можно и с помощью утопии, понятой, однако, как *выдвижение альтернативных образов будущего*. Иначе говоря, альтернативой утопизму как типу сознания могут служить альтернативные утопии. Следует прислушаться к призыву О. Тоффлера создавать «фабрики утопий». Поиски позитивного образа будущего, если их рассматривать как духовную работу и не придавать им значения социального и политического императива, совершенно неизбежны в кризисные эпохи, тем более в наше время тотальной критики основ современной цивилизации. Если выработать устойчивый иммунитет к утопизму, то само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам беды — интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры.